

«ВИЛЬНА» КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА: РУССКИЙ ГОЛОС В *ВИЛЬНЮССКОМ ТЕКСТЕ* ЛИТОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Инга Видугирите

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Статья исходит из идей современных исследований в области литературных (фиктивных) пространств, которые в трудах Бертранда Вестфала¹ получили определение *геокритики*. Геокритика направлена на изучение связей между текстами и реальным конкретным местом, при этом внимание сосредотачивается не на индивидуальном авторском подходе к определенному локусу, а на самом локусе, который в ходе времени обрастает разными текстами, представляющими разные точки зрения и создающими в совокупности некую гетерогенную репрезентацию места. Поскольку идеологические импульсы *геокритики* пришли из урбанистики и географии, ее основным объектом изучения является город, в первую очередь, такой, который обладает сильной текстопорождающей энергией. В своей сосредоточенности на городском пространстве геокритический подход к литературе во многом

совпадает с концепцией *текста города*, разработанной в трудах В. Н. Топорова о Санкт-Петербурге², а в современном русскоязычном литературоведении успешно применяемой в отношении многих значимых для русской культуры городов: таких, например, как Москва, Екатеринбург или Рим. Отличие *геокритики* от концепции *городского текста*, которому все-таки свойственен литературоцентризм, состоит в принципиальном отказе от иерархических отношений среди разного типа дискурсов, с одной стороны, и в принципиально интердисциплинарном подходе в изучении городского пространства. Идеальная модель геокритического анализа предполагает объединение усилий разных наук – литературы, географии, урбанистики, архитектуры, визуальных искусств и т.д.

Исследования гетерогенных репрезентаций одного и того же места в за-

¹ См. Bertrand Westphal, *La Géocritique: Réel, Fiction, Espace*, Les Editions de Minuit, 2007; англ. перевод: Bertrand Westphal, *Geocriticism: Real and Fictional Spaces*, translated by Robert T. Tally Jr., Palgrave Macmillan, 2011.

² См.: В. Н. Топоров, *Петербургский текст русской литературы*, С.-Петербург: Наука, 2003; В. Н. Топоров, *Петербургский текст*, Москва: Наука, 2007. В исследовании Вестфала традиция Топорова не учтена.

падной науке, а после разрушения советского блока – в Центральной и Восточной Европе, были вызваны разрушением таких *больших нарративов*, как исторический прогресс, миссия западной цивилизации, избранность одного класса или пола, которые претендовали на одно единственное толкование мира и, соответственно, пространства.

Вильнюс в силу своей исторической судьбы неизбежно стал местом пересечения разных и разноязычных конкурирующих культурных дискурсов. Это явление, которое порой принимает характер сложных коллизий, все-таки имело весьма положительный результат: город вдруг необыкновенно расширился и раскрылся для его обитателей новыми гранями еще не познанного чужого бытия.

В исследовании второго (фиктивно-го или текстуального) бытия Вильнюса пока преобладает изучение литературных источников. Поэтому не случайно, что Вильнюсу так органично подошло понятие *городского текста*. По аналогии с *петербургским текстом русской литературы*, о *вильнюсском тексте русской поэзии* писал Павел Лавринец³. С точки зрения Томаса Венцловы, в понятие *вильнюсского текста* входят все разноязычные тексты о Вильнюсе⁴, которые обладают мотивами, свойствен-

ными вильнюсской литературе. А в исследовании Валентины Брио *Поэзия и поэтика города: Wilno – ۱۷۹۷ – Vilnius*⁵ был предпринят проект восстановления трехголосого – еврейского, польского и литовского – *вильнюсского текста* без обращения к самому понятию как инструменту анализа. В традициях исследования города как средоточия модернистской культуры была создана монография Миндаугаса Кветкаускаса⁶, цель которой – показать литературный контрапункт Вильнюса в период 1904–1915 гг. В духе геокритики был создан труд Лаймонаса Бредиса *Вильнюс: город странников*⁷, в котором история города рассказана с опорой на разного рода письменные документы, оставленные теми, кто посетил город с начала его основания и до конца XX в.

Статья посвящена одному из голосов полифонического пространства *вильнюсского текста* – поэзии Константина Бальмонта, который в конце двадцатых годов XX в. выступил в защиту интересов Литвы в ее политическом споре с Польшей по вопросу Вильнюса. В контексте исследований вильнюсской литературы стихи Бальмонта о Вильнюсе занимают особое место. С точки зрения языка, они попадают в разряд *вильнюсского текста* русской поэзии, как они и были квалифицированы в статье

³ См.: Павел Лавринец, «“Вильнюс” Е. Рейна и “Вильнюсский текст” русской поэзии», *Literatūra* 38 (2), 1998, с. 103–112.

⁴ См.: Tomas Venclova, „Vilnius kaip nostalgijos objektas“, *Kultūros barai*, 2009, Nr. 9 («Вильнюс как объект ностальгии»). На конференции «Семиотика города», проходившей 3–5 июня 2011 г. в Таллинском университете, Венцлова читал доклад «Вильнюсский текст и Таллинский текст».

⁵ См.: Валентина Брио, *Поэзия и поэтика города: Wilno – ۱۷۹۷ – Vilnius*, Москва: Новое литературное обозрение, 2008.

⁶ Mindaugas Kvietauskas, *Vilniaus literatūrų kontrpunktai. Ankstyvasis modernizmas 1904 – 1915*, Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2007.

⁷ См.: Laimonas Briedis, *Vilnius: City of Strangers*, Vilnius: Baltos lankos, 2008; лит. перевод: *Vilnius: savas ir svetimas*, Vilnius: Baltos lankos, 2011.

П. Лавринца⁸. Однако по своей тематике и настрою они полностью совпадают с литовской поэзией 1920–1930-х гг., которую наиболее ярко характеризуют строка Пятраса Вайчюнаса: «Слушай, мир, мы без Вильнюса не успокоимся!». Поэтому Т. Венцлова в статье «Вильнюс как объект ностальгии»⁹ упоминает Бальмонта в ряду наиболее активных литовских лирических публицистов того времени – Вайчюнаса, Людаса Гиры, Казиса Бинкиса. В перспективе геокритики, бальмонтские стихи о Вильне кажутся весьма интересными в силу того, что одновременно соответствуют и не соответствуют основному ее требованию – реальному контакту с пространством города. У Бальмонта этот контакт был, но в стихах он не отразился. Поэтому целью статьи видится как определение тематических границ Вильнюса в стихах Бальмонта, так и выяснение того двусмысленного отношения к городу, которое они раскрывают.

К своей литовской теме Бальмонт вышел через дружбу с Юргисом Балтрушайтисом (их знакомство состоялось на рубеже веков) и через увлечение польским романтизмом в самом начале XX в.¹⁰ Возвращение к теме Литвы состоялось в конце 1920-х гг., когда поэт стал интенсивно переписываться с Людасом Гирой¹¹ и другими литовскими

деятелями искусства и культуры. В этот период были созданы стихотворения, составившие книгу *Северное Сияние: стихи о Литве и Руси* (1931). Там были и стихи, посвященные политическому вопросу о принадлежности Вильнюса Литве. Два периода литовской темы у Бальмонта отличаются, в частности, интерпретациями исторического прошлого: первый связан с польской историографической традицией, второй – с литовской.

Такую же закономерность смены двух исторических традиций можно наблюдать и в отношении Бальмонта к Вильнюсу, который он посетил в 1914 г. как город Северо-Западного края Российской империи и в 1927 г. как провинциальный город независимой Польши¹².

Интерес в данном случае представляет следующее: на протяжении всего 1928 г. тема Вильнюса постоянно возникает в переписке Бальмонта с Гирой, который был наиболее активным его корреспондентом с литовской стороны. Лейтмотивом в этих письмах проходят утешения и соболезнования Бальмонта по поводу утраты Литвой ее древней столицы и обещания выступить в защиту прав Литвы на Вильнюс, что он и сделал в конце лета 1928 г.¹³. Но реальный

⁸ См.: Лавринец 1998.

⁹ См.: Venclova 2009.

¹⁰ См.: Algis Samulionis, Dalia Straukaitė, „Balmontas ir Lietuva“, *Pergalė*, 1967, Nr. 7, p. 152; Бируте Мержвинскайте, «Ю. Балтрушайтис и К. Бальмонт (Из истории русского символизма)», *Literatūra* 33 (2), Vilnius: Mokslas, 1991, с. 3–11; Inga Vidugirytė, *Balmonto Lietuva: Kultūrių dialogo interpretacija*, Kaunas: Santara, 2005.

¹¹ Константин Бальмонт, «Письма Людасу Гире», вступит. ст. и публ. Н. К. Бруни-Бальмонт, *Вон-*

росы литературы, 1975, № 3, с. 238–255; Павел Лавринец, «Письма Константина Бальмонта Людасу Гире 1928 – 1931 гг.», *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике* V, Рига: Даугава, 1999, с. 107–165; Kristina Sakalavičiūtė, „Dvilypis žaidimas: Konstantinas Balmontas ir Liudas Gira“, *Darbai ir dienos*, 2003, Nr. 36, p. 73–90.

¹² См.: Павел Лавринец, «К. Д. Бальмонт в Вильнюсе (1927) и Каунасе (1930)», *Славянские чтения I*. Даугавпилс – Резекне: Издательство латгальского культ. центра, 2000, с. 156–171.

¹³ См.: „Poetas Balmontas – Lenkijai (Laiškas iš Prancūzijos)“, *Lietuvos Aidai*, Nr. 171 (385), 1928. 08. 30, p. 3.

контакт Бальмонта с пространством города, который он посетил год назад, в этих письмах никак не отражен. Вильнюс как будто выпал из памяти поэта, и, думается, не случайно, потому что в поэзии появился другой его образ – мифологический.

Понятие мифологического образа в данном случае подразумевает мифические истоки легенды об основании Вильнюса князем Гедиминасом, а также обращение Бальмонта к принципам мифологического мышления в стихотворной репрезентации города. Вильнюс у Бальмонта вполне соответствует общей, предельно мифологизированной картине Литвы, создаваемой им в *Северном сиянии*, хотя в отличие от чисто литературной природы «поэтической Литвы» (реальную страну поэт посетил только в 1930 г., когда большинство стихотворений уже было написано)¹⁴, этот город в творчестве Бальмонта мог бы иметь следы соприкосновения автора с его действительностью. Так, как это произошло, например, с Каунасом в стихотворении «Каунас. Колядный стих», написанном после возвращения Бальмонта из Литвы во Францию в 1930 г. Стихотворение представляет довольно сниженный образ провинциального города, в котором трудно усмотреть черты столицы:

Ковно, Каунас, домки
Возле Немана реки.
А повыше ряд домов

О других официальных высказываниях Бальмонта по этому вопросу см.: Павел Лавринец, «Письма Константина Бальмонта Людасу Гире 1928–1931 гг.», с. 121–122, 138.

¹⁴ См.: Inga Vidugirytė, *Balmonto Lietuva*, p. 63–95.

Над извивами холмов.
Старый город, ряд церквей
Не из наших тусклых дней¹⁵.

Вильнюса, представленного в таком же роде, в поэзии Бальмонта не существует. Причина этого кроется, скорее всего, в том, что Вильнюс вошел в сознание Бальмонта как польский (литовский элемент для него вряд ли был уловим) и провинциальный город, хотя непосредственно связанный с польским романтизмом. Возможно, что после всех городов, которые Бальмонту довелось посетить, Вильнюс мог напомнить многое и, одновременно, быть никаким. Когда в конце 1920-х гг. Гира провел агитационную кампанию в письмах, объясняя значение этого города для литовцев («колыбель и крепость», – скажет Бальмонт в стихах), поэт усвоил логику аргументации Литвы в споре с Польшей. Тем не менее, реальная топография Вильнюса и мифологические локусы сна о железном волке в поэтическом сознании Бальмонта не встретились. То, что он видел, было одно; то, о чем рассказывала легенда, соединенная с историческим повествованием, – другое.

Существовали причины и другого плана. Речь идет о конъюнктуре «литовской» темы Бальмонта в конце 1930-х гг. Изучая отношения Бальмонта и Гиры в конце 1920-х гг., П. Лавринец убедительно показал, что «вильнюсский вопрос» оказался в центре скрепления интересов: литовская сторона в лице Гиры желала, чтобы Бальмонт

¹⁵ Константин Бальмонт, *Северное Сияние. Стихи о Литве и Руси*, Париж: Родник, 1931, с. 62. В дальнейшем это издание цитируется с указанием номера страницы в скобках после цитаты.

выступил в защиту прав Литвы на древнюю столицу, а русский поэт не хотел огорчать новых друзей, которые всячески поддерживали его увлечение литовской культурой, обеспечивали книгами, журналами, публикациями, авансами и гонорарами¹⁶. И Бальмонт принял этот «вызов судьбы» – выступил с открытым письмом к Польше, в котором заявил, что Вильнюс должен принадлежать Литве¹⁷. Одновременно поэт принял и литовскую версию мифа о Вильнюсе.

Сосредоточенность на «вильнюсском вопросе» в отношениях Бальмонта с литовскими корреспондентами перешла и в его творчество. Можно говорить, что сюжет о Бальмонте-спасителе Литвы определил построение его книги стихов *Северное сияние*. Книга открывается циклом (или поэмой, как сказано в подзаголовке) из десяти сонетов Гиры, переведенных Бальмонтом, под названием «Бальмонт». Литовский поэт предпослал циклу два эпитафия: один – из знаменитого стихотворения Бальмонта «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце», другой – из письма Бальмонта Гире: «Литва – моя Царевна, люблю ее, и меч мой, лучезарный свершив полукруг, упадет на врага». Этим эпитафием заданы основные темы поэмы Гиры. Вместе с тем, фрагмент письма Бальмонта вводит и образ Царевны Литвы, с которого начинается первое стихотворение *Северного сияния*:

В зачарованном сне ты, Лесная Царевна,
Ты пред вещью прялкой сидела века

¹⁶ См.: Павел Лавринец, «Письма Константина Бальмонта Людасу Гире 1928–1931 гг.», с. 107–110.

¹⁷ „Poetas Balmontas – Lenkijai (Laiškas iš Prancūzijos)“.

[...]

Я, Царевна, тебя полюбил неслучайно...

(«Лесной Царевне-Литве», с. 19–20).

Установленная связь между высказыванием субъекта стихотворения и заявлением поэта (цитата из письма Гире) в эпитафии позволяет смотреть на всю книгу как на документ, раскрывающий характер отношения Бальмонта к Литве. Мотив зачарованного сна Царевны вызывает ассоциации со сказочным сюжетом о спящей красавице, который предполагает роль спасителя, каким себя и выдает субъект речи. Однако в стихотворениях, воссоздающих мифологизированный образ Лесной Царевны, данный сюжет не конкретизируется. На поверхности текста он появляется в стихотворениях, посвященных историческим интерпретациям Бальмонта.

История Литвы здесь предстает в двух обликах – *до* и *после* унии Литвы и Польши. *До* – это славная история Великого княжества Литовского, *после* – деградация в Республике Обоих Народов. Такой подход определен современностью, тем же «вильнюсским вопросом». В контексте военных и государственных достижений ВКЛ Вильнюс появляется в связи с князем Гедиминасом:

Прекрасен Гедимин, что видел вещий сон,
Язычник солнечный, все вокруг него обильно.

И все он веры чтит. Им замок вознесен.

Тот волк, в ком сто волков, вернется.

Помни, Вильна!

(«Имена», с. 33)

Переход в современность осуществляется естественно, потому что от нее и отправляется высказывание. Гедими-

нас занимает особое место в «литовских» стихах Бальмонта в силу своих контактов с Русью:

За то, что Русскую супругу
Любил и холил Гедимин, –
За то, что мощь свою и слово
Он в ту же сторону стремил,
Где путь Димитрия Донского, –
Да вспрянешь в новом цвете сил.
(«Лесной Царевне-Литве», с. 21)

В статье 1928 г. «Литва и Песня», где под Песней подразумевалась Россия, Бальмонт цитировал положения русского историка начала XX в. Сергея Платонова о том, что «по меньшей мере две трети владений Гедиминаса были образованы русскими землями [...] могущество литовских династий стало центром притяжения для всей Юго-Западной Руси, лишенной единства. [...] Вспоминая эту Литву, раскинувшуюся от Балтики до Понта Эвксинского, Русский не останется равнодушным к аналогиям, которые проникают [в историю] двух народов»¹⁸. Эти аналогии служили Бальмонту опорой в поисках путей сближения с литовской культурой¹⁹. В одном письме он даже высказал мнение, что *дружба* Польши к Литве была «пожалуй, еще большее проклятие страдальческого литовского народа, нежели дикий, тупоумный гнет сумасшедшего русского самодурного

¹⁸ Константин Бальмонт, «Литва и Песня», Рукописный отдел Литовской национальной библиотеки им. М. Мажевидаса (далее – РО ЛНБ), ф. 12–995. Данный текст является переводом с французского языка, который осуществлен И. С. Рождественской и П. О. Заславской. Русский оригинал, по которому эту статью переводил и публиковал в *Mercure de France* (1929. 05. 15) Оскар Милош, неизвестен.

¹⁹ См.: Inga Vidugirytė, *Balmonto Lietuva*, p. 123–141.

деспотизма. Этот, по крайней мере, весь на виду, чувствуешь всю тяжесть этой колоды, навалившейся на живое тело и живую душу»²⁰.

Литовская версия вильнюсского мифа («от утра дней – Литвы создание – Вильна», с. 47) противостоит польской, связанной, в свою очередь, с мифологией польского романтизма и прочно вошедшей в польскую культуру вплоть до сегодняшнего дня²¹. Бальмонт знаком с этой точкой зрения из польских источников и, отвечая польскому поэту Яну Лехоню, включает ее в качестве опровергаемого тезиса:

Но оттого, что Польские поэты
Любили, жили, пели и страдали
В Литовском крае, – Польским он не стал.
Пока они страдали там и пели,
Не менее терзались там Литовцы.
Мицкевич пел – и пел мужик Литовский,
Пел по-Литовски, сын земли, Литвин.
(«Польскому поэту Яну Лехоню», с. 49)

Для подкрепления своей позиции Бальмонт приводит пример собственного отношения к Кавказу, без которого трудно представить творчество Пушкина и Лермонтова:

Но в Грузии пребудет Руставели,
У Грузии я не возьму Тифлис.
(«Польскому поэту Яну Лехоню», с. 49)

Нет сомнения в том, что Бальмонт прекрасно понимал безвыходность сложившейся политической ситуации. Но он позиционировал себя как заступник Литвы и был вынужден, в отличие от

²⁰ Павел Лавринец, «Письма Константина Бальмонта Людасу Гире 1928–1931 гг.», с. 141.

²¹ Анализ литовского мифа в польской культуре см.: Czesław Miłosz, *Tėvynės ieškojimas*, Vilnius: Baltos lankos, 1995, p. 37–61.

своей поэтической программы всеобщего братства и цветения²², поддерживать националистическую мифологию литовцев, которая только осложняла конфликт. Такая позиция определяла весь пафос его поэтической аргументации.

Политическая ситуация в Литве и Польше того времени влияла на интерпретацию исторических событий – в первую очередь, на трактовку деятельности великого князя Литвы и польского короля Йогайлы:

Оговорился ты – сказав Ягайла: –
Ягайла троекратно был изменник,
Скажи – Витовт и кликни к Гедмину,
Тогда ты славу назовешь и честь.
(«Польскому поэту Яну Лехоню», с. 50)

Пара «герой Витаутас и антигерой Йогайла» была создана романтической историографией, в основном, Майронисом²³, который для Бальмонта был одним из тех авторов, которые наиболее воодушевляли его лиру. Гедминас назван вместе с Витаутасом тоже не случайно. В 1930 г. Литва праздновала 500 лет со дня смерти Витаутаса. По всей стране устраивались разного рода мероприятия с заметным литургическим уклоном. Празднование шло поэтапно – весь год был объявлен годом Витаутаса Великого. Как показал Гедрюс Вилюнас, в официальной идеологии этого праздника популярность вильнюсского

вопроса соперничала с самим Витаутасом, что обнажало современные истоки культа великого князя, его опору на политическую и культурную конъюнктуру того времени²⁴. Бальмонт собирался написать драму или поэму о Витаутасе²⁵, но ограничился стихотворением «Жребий Великого» в *Северном сиянии*. Пара «Витовт и Гедимин» в стихотворении «Польскому поэту Яну Лехоню» подсказана связью праздника Витаутаса с вильнюсским вопросом.

Стихотворения на темы истории конкретизируют основную интригу сборника, которая была задана эпиграфом из письма Бальмонта и созданной им мифологемой спящей Лесной Царевны Литвы. Оказывается, что средством к пробуждению Царевны является ее венец – древняя столица: «И Гедиминову Вильною / Ты быть увенчана – должна!» (с. 59). Передавая предысторию политического конфликта, Бальмонт еще раз прибегает к сказочным интонациям:

Их было две сестры. Цветной долиной
Они владели, чащею лесной.
Два замка, – нет, – вернее – лишь единый
Из всех богатств остался у одной.
А у другой осталось их четыре.
И в час расчетный вековой игры,
Вторая, лишь себя лелея в мире,
Взяла единый замок у сестры.
Безумье! Это – замок Гедимина!
(«В последний раз», с. 55–56)

Как только появляется имя Гедиминаса, аллегорическое повествование о

²² Ср. стихотворение «Златовоздух»: «Вселяющей душой ввергаюсь я в смущенье: – / Я не пастух народов и я не пастырь стад. / Лишь одного хочу я – всемирного цветенья...» (с. 148).

²³ См.: Alvydas Nikžentaitis, „Jogailos įvaizdis lietuvių visuomenėje“, *Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.)*, Vilnius: LII leidykla, 2001, p. 62.

²⁴ См.: Giedrius Viliūnas, „Vytauto Didžiojo kultas tarpukario Lietuvoje“, *Nacionalizmas ir emocijos*, p. 56–102.

²⁵ См.: Письмо Гире от 21.11.1929, *РО ЛНБ*, ф. 7–37; письмо Брониславе Гирене от 25.02.1930, там же, ф. 7–38.

настоящем дне переводится в мифическую плоскость: история сменяется мифом, линейное время – циклическим, рассказ о бывшем – пророчеством:

Там сто волков таит Железный Волк,
Они взрычат. [...]
Полки растут. Не только чарой мести.
В них предки. *В них мой стих.* В них
Божий глаз.

(«В последний раз», с. 56)

Выделенная курсивом фраза и ее контекст показывают, какую роль отводил себе Бальмонт в своем «ратоборстве» за Литву: роль *идеолога* борьбы. Насколько эта идеология была связана с литовской национальной мифологией, выразительно показывает любопытный аспект аргументации Бальмонта – указание на чрезвычайную древность литовского языка, т.е. еще на один миф литовского массового сознания. В открытом письме к Польше о правах Литвы на Вильнюс неожиданно появляется следующая дигрессия: «Но Литва, которая когда-то была империей от моря до моря, а сейчас стала небольшим государством, сохранила свой могучий, прекрасный, древний язык, какого не имеют

даже самые великие народы, язык, о котором лучшие языковеды мира говорят, что он – ключ к разгадке тайн для многих древних европейских языков»²⁶. В стихотворении «Польскому поэту Яну Лехоню» о правах литовцев на Вильнюс видим ту же мотивацию:

От детских дней я полюбил Поляков,
От юности пленен я Польской речью,
Но, юный друг, вино есть и старее,
И люб, о, люб Литовский мне язык.

(с. 50)

В поэтическом и публицистическом споре Бальмонта с Польшей Вильнюс всегда был только абстракцией. Реальное пространство города, хотя и знакомое поэту, было заменено локусом мифа об основании города Гедиминасом. Тем не менее, благодаря стихам Бальмонта *вильнюсский текст* обогатился не только значительной фигурой русскоязычного идеолога литовской национальной мифологии, но и весьма выразительным персонажем поэта-спасителя Лесной Царевны-Литвы.

²⁶ „Poetas Balmontas – Lenkijai (Laiškas iš Prancūzijos)“.

KONSTANTINO BALMONTO VILNA: RUSIŠKAS BALSAS LIETUVIŲ LITERATŪROS VILNIAUS TEKSTE

Inga Vidugirytė

S a n t r a u k a

Geokritikos, kurios idėjos paremia straipsnį, perspektyva perkelia tyrėjo dėmesį nuo individualaus požiūrio į vietą prie pačios *vietos* kaip meninės erdvės provaizdžio. Įvairialypės reprezentacijos čia yra suvokiamos kaip visuminio heterogeniško *vietos* vaizdo galimybė. Šis požiūris šaknijasi miesto geografijoje ir urbanistikos studijose, todėl jam labai ar-

tima Vladimiro Toporovo sukurta *Sankt Peterburgo teksto* koncepcija, apjungianti Peterburgo literatūrą kaip vieną darinį.

Vilniaus teksto kaip skirtingų tautų skirtingomis kalbomis parašytos literatūros samprata įtvirtinta Tomo Venclovos. Konstantino Balmonto eilėraščių apie Vilnių gali būti traktuojami kaip vienas iš *Vil-*

niaus teksto balsų. Kita vertus, jie yra pakankamai specifinis atvejis, nes parašyti rusiškai, bet laikantis lietuviškos ideologijos normų. Kita jų dviprasmybė būtų sietina su tuo, kad nepaisant poeto pažinties su realia miesto, kuriame jis lankėsi porą kartų, erdve, poezijoje jos vietą užima mitinė Gedimino sapno ir su juo

susijusių implikacijų erdvė. Vilnius yra mitologizuojamas dvigubai: pasakojant jo įkūrimo mitą ir struktūruojant istorinį pasakojimą vadovaujantis mitinio mąstymo principais. Nepaisant šios fikcijos, Balmonto eilėraščių dėka *Vilniaus tekste* atsiranda naujas personažas – poetas, Miškų Karalaitės Lietuvos vaduotojas.

Получено: 2011, октябрь

Принято: 2011, октябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

e-mail: inga.vidugiryte@flf.vu.lt